

К. Н. ЮЗБАШЯН. *Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX—XI вв. М., 1988, 300 с.*

Монография К. Н. Юзбашяна—плод многолетнего труда, завершеного еще в 1975 г., когда его основные положения были защищены автором в качестве докторской диссертации. Казалось бы, такой немалый разрыв между завершением работы и изданием ее основательно переработанного варианта должен был коим-то образом отразиться и на ее актуальности. Этого не произошло по двум причинам. Во-первых, за прошедший период времени ни в советской, ни в зарубежной историографии не появилось ничего, что могло бы привести к пересмотру наиболее существенных положений рецензируемого труда. Во-вторых, монография К. Н. Юзбашяна подвела итог целому этапу исследования армяно-византийских отношений.

Содержание работы много шире ее названия, так как фактически в ней рассмотрены отношения двух стран с IV по XI вв. В частности, в главах I и II автор вводит читателя в проблематику и предисторию данных отношений, рассматривая историю Армении в составе Ирана и халифатов Омаядов и Аббасидов с точки зрения сохранения автономии и существования государственного аппарата, с ней связанного. Новым здесь на фоне значительного количества предшествующих работ является выявление международного статуса Армении к моменту образования царства Багратидов и анализ армяно-византийских отношений до IX в. именно в плане исследования их конституирования со стороны империи.

Особый интерес представляет глава III, посвященная статусу самого царства Багратидов, а затем, после его распада, различных армянских государств в византийской системе международных отношений—ойкуменическом сообществе. Постановка данной проблемы на материале

Закавказья и ее убедительное решение, несомненно, является заслугой исследователя, как впрочем, и выявление в связи с этим специфики форм и методов византийской экспансии в регионе. Особенно ярко показана она на примере Тарона (с. 117—125). Аннексии Тайка (Тао), Ширак-Анийского царства, Васпуракана и Валаанда также имели свою специфику, каждый раз связанную с конкретной политической ситуацией в Закавказье. И если инкорпорация Тарона в состав Византии была растянута по времени и завершилась лишь в 967/8 гг. тем, что влияние империи в княжестве настолько усилилось, что оно было превращено в фему без каких-либо видимых усилий с ее стороны, а Тарониты получили владения в Халдин и влились в состав византийской аристократии, то аннексия Тайка (Тао) свершилась в три этапа—990 г., 1000 г. и 1021 г., будучи связанной с борьбой Византии с Грузией за владения Давида Куропалата. В данном случае основанием для имперских претензий на них явилось вырванное под угрозой применения силы завещание Багратида. Все писавшие об этом, включая и автора этих строк, исходили из сведений Яхьи Антиохийского, датировавшего получение Давидом сана куропалата 990 годом, после завещания, сделанного им в пользу Василия II. В свете появления «завещания» Ошкской рукописи, датирующей наличие этого сана у Давида уже в 977 г., данная точка зрения должна быть пересмотрена, хотя, конечно, сам текст «завещания» нуждается в публикации и анализе в контексте событий 70—90-х гг. X в.¹

Сумма известных фактов дает почти полное представление о последующих эта-

¹ См.: Очерки истории Грузии. Т. II. Тбилиси. 1988, с. 337, прим. 390.

пах византийской экспансии в Закавказье. в частности, о войне империи с Грузией, завершившейся поражением последней и созданием предпосылок для аннексии Византией бывших союзников Грузии Ширак-Анийского царства и Васпуракана. Юзбашян наглядно показывает, как после смерти Гагика I Анийское царство постепенно вовлекалось в орбиту византийского влияния. Раздел его на два удела, усобица, вмешательство империи и возвращение с византийскими войсками Ашота IV, все это в целом повторяет сценарий аннексии Тарона. Братья шаханшах Иовханнэс-Смбат и Ашот IV к 1021 г. не были в равной степени зависимы от Византии. По-видимому, зависимость второго была большей. Но ориентация Иовханнэса-Смбата на союз с Георгием I Грузинским после поражения последнего вынудила шаханшаха под угрозой применения силы, а византийские войска стояли у границ Армении, завещать свой удел Василию II. И если то же сделал и царь Васпуракана, то обстоятельства вынудили его передать царство в том же 1021 г., тогда как за Ширак-Анийское царство империи пришлось воевать после смерти шаханшаха и его брата в 1044—1045 гг. Вананд же был передан Византии уже в период сельджукского завоевания Закавказья. Показательно, что в духе ойкуменической доктрины акты аннексии независимых государств оформлялись в Константинополе как возвращение их правителями василевсу ромеев его законных прав на верховную власть в данной части ойкумены, что логично вытекает из показанной К. Н. Юзбашяном в главе II специфики внешнеполитической доктрины империи, а также внутренней структуры системы армянских государств Закавказья, возглавляемой шаханшахами Ширак-Анийского царства (с. 72—92).

Несомненной заслугой К. Н. Юзбашяна является реконструкция целостной картины системы византийской администрации в Закавказье на основании всех имевшихся к моменту написания главы V материалов эпиграфического, сфрагистического и нарративного характера. Неизбежные лакуны в списках византийских функционеров в созданных на территории Закавказья феодах постепенно будут заполнены, так как материал сфрагистического плана продолжает появляться и в

настоящее время (о чем ниже). Справедливости ради следует отметить, что полнота реконструкции структуры и анализа функций феодальной администрации была бы невозможна без учета работ и публикаций В. С. Шандровской, В. Зайбта, В. А. Арутюновой, Р. М. Бартняна и многих других исследователей, чьи работы фигурируют с почти исчерпывающей полнотой в библиографии труда К. Н. Юзбашяна. В то же время укажем, что в ряде случаев исследователю пришлось пересмотреть ряд постулатов своих коллег, в частности, точку зрения А. В. Арутюновой, неоправданно относившей образование «большой» фемы Иверия к 1000 г. и ее воззрения на структуру фемы, позже ею также пересмотренные². И тем не менее, несмотря на то, что данный вопрос разработан в монографии К. Н. Юзбашяна наиболее детально и ему предшествовал ряд фундаментальных статей автора, в ней остались моменты, не нашедшие, на наш взгляд, убедительного разрешения.

Так, исследователь продолжает утверждать, хотя и менее уверенно, что регент Анийского удела Саркис Хайкази осуществлял в 30-е гг. XI в. функции византийского стратига фемы Иверия, поскольку в надписи построенной им церкви св. Саркиса в Хцконке он назван дукой Востока (с. 185), а «востоком» в ряде источников названа именно фема Иверия. В свое время мы отметили, что в 1000 г., признав сюзеренитет Василия II, эмир Апахунпка и Диар-Бакра Мерванид Муммахид ад даула Саид получил от императора саны магистра и дука Востока³. Следовательно, эмир явно не мог быть византийским стратигом Иверии уже хотя бы потому, что ее в 1000 г., что признает и сам К. Н. Юзбашян, еще не было. Поэтому мы предположили, что речь шла о почетных титулах и не более, что вызвало закономерные, на наш взгляд, возражения В. А. Арутюновой. Со ссылкой на работу

² В. А. Арутюнова. Византийские правители фемы Иверия.—Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1973, № 2, с. 63—64. Ср.: Р. М. Бартнян. Оса с.

³ В. П. Степаненко. Стратиг Иверии—дука Востока?—Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979, с. 32—37.

А. Тер-Гевондяна, она отметила, что, получив сан дуки Востока, эмир должен был как вассал императора оказывать со своими войсками военную помощь византийской администрации фемы Тарон, защищая таким образом границы империи⁴. Следовательно, таким же был статус и Саркиса Хайказна, который как регент удела, владетель которого Иовханнэс-Сибат признал в 1021 г. сюзеренитет Василия II, должен был нести ответственность за защиту новых владений Византии и Закавказья, в данном случае, фемы Иверия, не будучи ее дукой. В этой связи отметим, что данная интерпретация статуса Хайказна вполне обоснованна и может быть распространена на аналогичные явления и отношения Византии с владетелями вассальных государств. Так, в XII в. были обязаны являться с войсками по требованию Мануила Комнина и защищать границы империи князья Киликии и Антиохии Торос II и Райнальд Шатильон, король Иерусалима Бодуэн III (1158), султан Рума Килич Арслан II после принесения им вассальной присяги Мануилу и получения статуса «сына» василевса (1161), наконец, жупан Сербии. Отметим это, так как точка зрения К. Н. Юзбашяна уже проникла в армянскую историографию и, имея те же основания и факты, свидетельствующие о характере отношений Тороса II с Византией, А. А. Бозоян также объявил его византийским стратигом Равнинной Киликии, тогда как Рубенид получил сан севаста и как вассал императора взял на себя обязательства защищать со своими военными силами границы восстановленной византийской фемы, и не более⁵.

Второй сюжет данной главы, представляющийся нам не до конца выясненным,—структура византийских «больших» фем в Закавказье и их соотношение

с «малыми» фемами. Взгляды всех исследователей на данный вопрос претерпели существенные изменения. Так, если В. А. Арутюнова в 1973 г. отстаивала тезис о примате «большой» фемы Иверия, в составе которой растворились предшествовавшие ей малые фемы, переданные ранее Византией Давиду Куропалату в награду за участие в подавлении мятежа Варды Склира, то в ее последних работах отмечена относительная мобильность и самостоятельность «малых» фем в составе «большой»⁶, что еще в 1960 г. было показано Г. Г. Литавриным на балканском материале⁷. Для Закавказья свидетельством того, что шел процесс дробления «больших» фем, являются данные сфрагистики. Так, известны моливдовулы импатора Василия, стратига «малых» фем Готорза и Элабака, Христофора, правителя «малых» фем Арцке и Аркерава и вызвавший полемику, в плане интерпретации моливдовул Никиты, дуки Ани, Великой Армении и Коговита. Полагая, что «особой строгости в наименовании фем не было», К. Н. Юзбашян утверждает, что Никита был дукой Иверии⁸. Но тогда сразу же возникает вопрос, почему наряду с Великой Арменией здесь упоминается и Ани? Прочитируем в этой связи обширный фрагмент из работы Г. Г. Литаврина, названной выше. «Дробление фем происходило наряду с существованием крупных административных округов и облегчало в свою очередь перекройку границ этих округов. Из-под ведения катепанов и дуков могли выпадать отдельные районы, ранее входившие в состав катепаната, либо присоединяться другие районы из соседнего крупного округа. Нередки были случаи подчинения одному лицу огромных территорий... Создается впечатление, что... в

фемо Иверия.—Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1974, № 12, с. 68.

⁴ В. А. Арутюнова. К вопросу о термине «восток» в конце X—XI вв. по данным о военных должностях Византийской империи.—Византийские очерки. М., 1982, с. 128, прим. 67.

⁵ А. А. Бозоян. Восточная политика Византии и Киликийская Армения в 30—70-е гг. XII в. Ереван, 1988, с. 263.

15 «Эрмитаж», № 2

⁶ В. А. Арутюнова. Византийские правители Иверии, с. 63—64; ср.: Она же. Административные перемены на востоке Византии в X—XI вв. К вопросу о «кризисе» фемного строя.—Византийский временник, Т. 44, 1983, с. 68—80.

⁷ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 269.

⁸ К. Н. Юзбашян. Новые данные для изучения византийской администрации в Армении и Грузии.—Кавказ и Византия. Вып. 2. Ереван, 1980, с. 70.

конце XI в. постоянных крупных административных единиц не было вовсе—они образовывались каждый раз заново путем объединения и подчинения императорскому наместнику мелких административных районов—фем, число которых при этом устанавливалось в зависимости от сана и титула наместника и императорского расположения» (с. 269). Все это присутствовало и в Закавказье. И Никита мог быть стратигом не всей Иверии, но ее части: Ани (столица и ее округ), Великой Армении (территория бывшего Ширак-Анийского царства) и Коговнта. В пользу этого свидетельствует и известный лишь по воспроизведению в проспекте Н. Икономидеса с надписью, данной лишь в английском переводе, моливдовул из собрания Думбартон Окс (ДО. 58. 106. 5502), нуждающийся в отдельной публикации. Он принадлежит Михаилу Катафлорону, императорскому куратору Манцикерта и Верхней Иверии⁹. И хотя Верхняя Иверия нуждается в детальной локализации, то, что это часть фемы Иверии, несомненно, так как она названа здесь наряду с другой ее частью—Манцикертом. То есть в рамках «большой» фемы шли процессы постоянного объединения под командованием того или иного стратига различных «малых» фем. При этом «малая» фема могла включаться в состав искусственно созданного индивидуального командования. Так, Григор Магистр Пахлавунн был магистром и дукой Месопотамии, Васпуракана, Тарона и Манцикерта. Даже если считать, что эти функции он выполнял не одновременно, то в любом случае дукой Иверии он не был, но Манцикерт ему был подчинен в качестве «малой» фемы, стратиги которой известны в 50-е гг., как например, Васил, сын Апухапа, позже катепан Васпуракана и дука Эдессы при Филарете Врахамин¹⁰.

⁹ N. Oikonomides. *Byzantine lead seals*. Dumbarton Oaks. Washington, 1985 № 80. К сожалению, характер издания предопределил и характер публикации моливдовула.

¹⁰ Здесь нам пост фактум хотелось бы отметить, что в известной работе А. П. Каждана «Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв.» (Ереван, 1975, с. 67, 70) Васил № 2 и № 8—одно лицо.

Таким образом, в Закавказье постоянство состава «больших» фем было весьма относительным, но исследование администрации «малых» фем затруднено тем, что в нарративных источниках они почти не упоминаются, а сфрагмистические недостаточно репрезентативны. Но именно накопление сфрагмистического материала в перспективе внесет определенные коррективы в наши представления о структуре византийской администрации в Закавказье. Ее же функционирование на уровне «больших» фем детально исследовано К. Н. Юзбашьяном преимущественно на примере Иверии, по истории которой сохранилось относительно много данных.

Две последние главы посвящены сельджукскому завоеванию Закавказья и краху византийского владычества в регионе, а также тондрактскому движению в Армении. Обе темы раскрыты с привлечением значительного количества источников, на сегодняшний день можно сказать, исчерпывающего. Наконец, в приложении даны две опубликованные ранее лишь на армянском языке статьи, где на материале переписки Фотия и Романа Лакапина с армянскими иерархами и владельцами показана специфика византийско-армянских отношений, т. е. точка зрения империи на статус и место Армении в составе византийского ойкуменического сообщества.

В качестве мелкого замечания нужно отметить использование несколько искусственной географической терминологии: Шавшня, Кларджня и пр. Предпочтительна традиция их написания: Шавшети, Кларджети и пр., и было бы желательно ей следовать.

В целом можно констатировать, что монография К. Н. Юзбашьяна станет настольной книгой для всех занимающихся проблемами истории внешней политики Армении и Византии, функционирования армянской администрации IV—XI вв., византийской администрации на примере закавказских фем, наконец, сельджукской экспансии в регионе, ибо все это рассмотрено здесь на материале массы разноязычных источников и в региональном плане применительно к истории не только Армении и Византии, но также Грузии и Ближнего Востока в целом.

В. П. СТЕПАНЕНКО (Свердловск)